

Эрве Базен. Анатомия одного развода. Перевод с французского Юрия Жукова и Розы Измайловой. Послесловие Валентина Катаева. «Иностранная литература» № 2, 3, 1977.

Эрве Базен — один из самых взысканных признанием и почестями писателей современной Франции. Он президент Академии Гонкуров, лауреат многих литературных премий: Аполлинера, Романской прессы и прочая, прочая. Но, по чести, для меня куда больше значит, что он превосходный ремесленник литературного цеха. Слово «ремесленник» применено здесь в его средневековом — высшем и гордом, а не нынешнем — уничижительном смысле. Мне не привелось встретиться с Эрве Базеном, хотя он не раз бывал в нашей стране, а немногочисленные и плохие к тому же фотографии ничуть не помогают представить его образ, кажущийся мне сложным, противоречивым при настойчивом и каком-то насильственном стремлении к порядку, простоте, основательности, что с годами все сильнее проступает в романном творчестве Базена. Я не верю, что внешность человека выдающегося может быть до конца нейтральна к его сути. Мне доводилось читать и слышать о заурядности, буржуазности, тусклой добропорядочности облика ряда крупных писателей наших дней и недалекого прошлого. Я жадно вглядывался в их портреты и фотографии, и рано или поздно то в зрачках, то в улыбке, то в складках рта, то в морщинах, избородивших плоскость лба, то в печальных тенях подглазья обнаруживалось нечто такое, что возносило лицо, делало его драгоценным. И нельзя поверить в спокойного и очень довольного собой Базена его привычных изображений. Такой Базен еще мог бы создать «Супружескую жизнь», но никогда не создал бы трилогии «Семья Резо» и уж подавно — «Встань и иди». Убеден, что еще прочитаю в его чертах тайный знак того воодушевления, которым рождено «Встань и иди», — не звучало в западной литературе последних десятилетий столь щемящей ноты.

В этом небольшом романе, по-нашему повести, сверкают крупницы — страшно произнести слово «гениальность», но нет иного понятия для обозначения той высшей одухотворенности художника, когда на творении его — свет божий. В истории обезножившей и медленно умирающей девушки, сумевшей из бедных останков собственной тающей жизни построить счастье других людей, заложена такая прекрасная, такая гуманная, да что там — святая мысль, что хочется снять шляпу перед писателем, чья душа выносила столь чистый, светлый, высокий образ добра.

Подобно многим моим соотечественникам, я узнал и полюбил Эрве Базена по его романам, составившим трилогию «Семья Резо». Но как ни хороши эти романы с поистине эпическим образом Грозной Матери, меня

не оставляло подозрение, что Эрве Базен пахал тут по пару Мориака и что обостренность чувства, пронизывающего эти романы, порождена скорее литературной традицией, нежели мировосприятием автора, ведь во всех других произведениях (оставим в стороне «Встань и иди») Базен куда спокойнее, рассудительнее, объективнее. Но, наверное, я ошибаюсь, и острота трилогии — от едкой памяти детства, сохранившей боль и жгучую обиду оскорбленной юной души.

В последующих произведениях, также посвященных семейным проблемам — видимо, это область главных интересов Эрве Базена, — он все более и более становится хладнокровным аналитиком; ни пристрастия. ни гнев, ни чрезмерная любовь, ни художественный каприз, ни своеволие раскованной творческой личности не нарушают размеренного, последовательного, продуманного и точного, как урок анатомии, исследования того или иного аспекта семейной жизни, будь то чужой ребенок, супружеская измена, развод и т. п.

Базен так убежден в серьезности, доброкачественности, равно и в нужности людям своей почти научной работы, что не старается быть занимательным, ярким, обаятельным, изящным, искрящимся — все те эпитеты, которые обычно прилагаются к талантливой французской прозе, включая прозу самого Базена более раннего периода, отпадают, когда речь идет о его последних романах. Тут уместны другие слова, более употребительные в науке: скрупулезность, выверенность, добросовестность, исчерпанность. Базен ничуть не стремится увлечь читателя. «Супружеская жизнь» откровенно, даже вызывающе скучна, не блещет занимательностью и последний из опубликованных у нас романов «Анатомия одного развода». И все-таки это настоящая литература (особенно второй роман), которая останется, в то время как многие произведения, вызвавшие шумный восторг современников, не пережили своих создателей. Попробуйте перечитать некогда скандально знаменитые романы Андре Жида «Имморалист» и «Фальшивомонетки» — до чего же наивно, до чего пусто и не нужно!

Эрве Базен, конечно, очень привязан к миру, который изображает; для него поэтична и значительна тут каждая малость, он не скупится на подробности и никуда не спешит, подвергая жестокому испытанию долготерпение читателя. Читаешь «Анатомию одного развода» и думаешь: господи, жизнь так коротка, а Эрве Базен так длинен! — и если не бросаешь чтения, так лишь из доверия и пиетета к создателю семейной хроники Резо и образа волшебной калечки. И терпение твое вознаграждается, ибо в замедленном повествовании с тьмой одуряющих подробностей обрисовывается постепенно и, наконец, предстает жгучей явью удивительнейшая фигура брошенной жены Алины Давермель, в девичестве Ребюсто.

Конечно, лишь окончательная зрелость души и таланта способна создать такой сложный и сильный образ. Внешне да и внутренне непривлекательная, раздражающая до зубного скрежета, Алина в конце концов растопляет ваше сердце каким-то последним прозрением о горестной и милой человечей сути. Спокойно и неумолимо ведет Эрве Базен свою жалкую героиню по всем кругам житейского ада, заставляет ее пройти все виды унижения, совершить все допустимые и недопустимые глупости, оплошности, нелепости, потерять все, что только можно потерять, стать полукалекой и безжалостно лишает ее даже малого реванша. Но реванш этот неожиданно происходит в сердце читателя. Нет, ты не берешь ее сторону, но вдруг открываешь в ней свою бедную сестру в человечестве. И она становится ближе тебе, чем ее корректный, преуспевающий и вроде бы во всем правый муж. Ее незащищенность — это твоя незащищенность, ее слабость — твоя слабость, ее неравная борьба — твоя борьба.

Не знаю, рассчитывал ли Эрве Базен заранее тот страшный эффект, которого достигает роман в изображении долгой и мучительной тяжбы между супругами Давермель. Поначалу удивляешься с оттенком почтительности все предусматривающей — до изощренности — законодательной и процессуальной системе «развода по-французски». Здесь оговорен каждый шаг, учтены все варианты поведения «сторон», малейшие отклонения от буквы закона. Разведенные супруги и дети их стиснуты железными обручами устоявшихся во времени, всепроникающих, не оставляющих никаких щелей, точных и ясных предписаний закона. Но не восхищение, а какой-то душный ужас охватывает тебя под конец романа перед чудовишной, бессердечной, уничтожающей человеческое в человеке машиной буржуазного правосудия. Закон вынуждает участников семейной драмы жертвовать теми хрупкими, но бесконечно важными душевными и нравственными ценностями, которые уже никогда не восстановятся. И проигравшие, и выигравшие несут почти равный моральный ущерб. В этой горькой правде — сила романа Эрве Базена. И в жалко-гадко-величественном образе мадам Давермель-Ребюсто, павшей в безнадежной борьбе за то высшее, не сформулированное в сводах законов и не гарантированное ими женское право, куда более важное, нежели сохранение семьи и неверного мужа. Вот что подымает «Анатомию одного развода» над традиционным французским семейным романом.

ЮРИЙ НАГИБИН

ИНТЕРЕС К КЛАССИКЕ

Ю. Б. Виппер. *Поэзия Пляеды.* Москва, «Наука», 1976.

А. Д. Михайлов. *Французский рыцарский роман.* Москва, «Наука», 1976.

М. Трескунов. *Жорж Санд.* Ленинград, «Художественная литература», 1976.

Наталья Трапезникова. *Романтизм Жорж Санд.* Казань, Издательство Казанского университета, 1976.

Е. М. Евнина. *Виктор Гюго.* Москва, «Наука», 1976.

Советское литературоведение проявляет постоянный интерес к классической литературе Франции. Издательство «Наука» выпустило две книги, посвященные далекому, но весьма интересным и важным периодам французской литературы. Я имею в виду книгу Ю. Виппера «Поэзия Пляеды» и работу А. Михайлова «Французский рыцарский роман».

Творчество поэтов Пляеды, в особенности Ронсара и Дю Белле, пользуется у нас большой популярностью, чему немало способствовали и новые переводы В. Левика, опубликованные в последние годы. Многие известные теще выступают со специальными программами, составленными из произведений Ронсара и Дю Белле, которые привлекают всегда большое количество слушателей, главным образом молодежь. Ю. Виппер посвящает свое исследование развитию литературной школы Пляеды, совершившей настоящий переворот в развитии французской поэзии. Изучая становление Пляеды, выявляя общность эстетических принципов ее участников, автор одновременно стремится показать многообразие художественной жизни того времени и прежде всего особенности творчества таких поэтов, как Ронсар и Дю Белле. В орбите авторского внимания оказываются и поэты так называемого второго ранга, которые в свое время не были причислены Ронсаром к Пляеде. В книге Ю. Виппера национальные истоки Пляеды прослеживаются на фоне литературных и исторических процессов XVI века, отмечается влияние различных художественных тенденций, в частности маньеризма и барокко, на творчество поэтов этой школы. Свой труд автор заканчивает шестидесятью годами, общая читателям новую работу, посвященную позднему творчеству Ронсара. Серьезная, обстоятельная книга Ю. Виппера, написанная живо и увлекательно, несомненно будет интересна самому широкому кругу читателей.

«Французский рыцарский роман» А. Михайлова — первое советское исследование о рыцарском романе. В книге Михайлова используется богатейший историко-литературный материал, накопленный как зарубежным, так и отечественным литературоведением. Автор рассматривает эволюцию французского рыцарского романа на протяжении нескольких веков. Читатель знакомится с историческими условиями возникновения этого жанра, с его истоками и первыми памятниками, такими как «Роман об Александре» Васа и «Роман о Трое» Бенуа де Сент Мора. Естественно, что наибольшее внимание в книге уделено рыцарскому роману «кретьеновского времени» и творчеству самого Кретьена де Труа. Автор показы-